

Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э.

К.В. Чугунов (Санкт-Петербург)

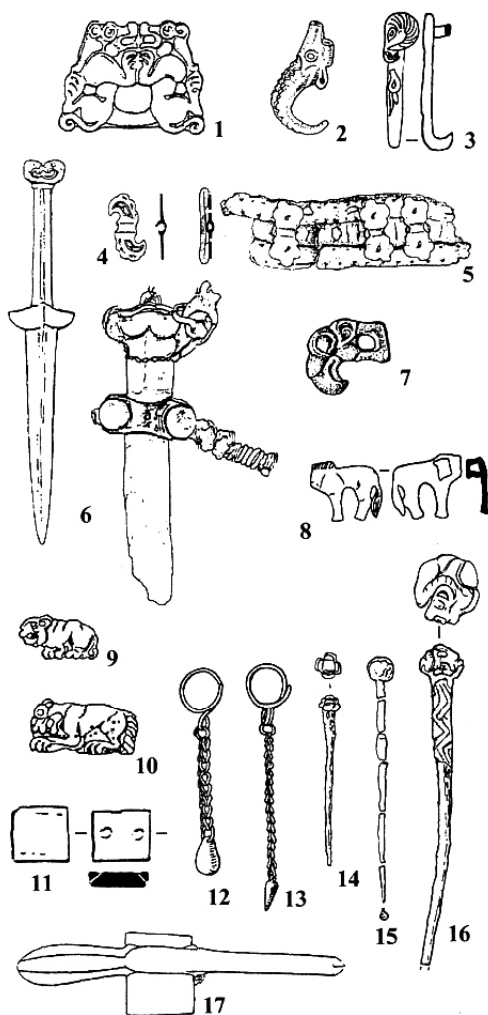
Первые самостоятельные археологические работы Д.Г. Савинова проходили в составе Саяно-Тувинской экспедиции в 1965 г., в Центральной Туве, где под его руководством был исследован комплекс разновременных памятников в урочище Урбюн. Материалы могильника скифского времени Урбюн III уже через несколько лет были подготовлены к публикации, но сборник Трудов СТАЭ так и не был выпущен (документы по этому поводу см.: Древние культуры Центральной Азии...1998: 30–38). Автор опубликовал его спустя 15 лет после раскопок (Савинов 1980: 107–119), справедливо заметив, что “современное состояние археологии Тувы этого периода... позволяет говорить об актуальности урбюньских находок и в настоящее время”. Несмотря на то, что одновременно и после этой статьи вышли в свет монография А.Д. Грача (1980) и еще ряд работ по скифской проблематике Центральной Азии, своего значения она не потеряла и сейчас. Это можно утверждать не только потому, что публикация материалов любых полевых исследований всегда актуальна. В этой статье впервые был поставлен вопрос о степени участия населения раннескифского времени в сложении культуры кочевников Тувы V–III вв. до н. э. (Савинов 1980: 118).

На основании исследований последних лет можно утверждать, что все признаки наземных сооружений могильника Урбюн III соответствуют одному из вариантов погребального обряда уюкско-саглынской культуры. Каменно-земляные сооружения и кромлехи зафиксированы на могильниках Чарга (Семенов, Килуновская, Чугунов 1995: 24) и Догээ-Баары II (Чугунов 1999: 33), а ограда из редко поставленных крупных камней — у кургана, исследованного на дороге Аржан — Тарлаг в Пий-Хемском кожууне Тувы (Чугунов, Наглер, Парцигер 1999: 331). Планиграфия могильника (Отчет Д.Г. Савинова, 1965 г., с. 7) также находит соответствие в расположении курганов на могильном поле Догээ-Баары, где кроме “цепочек”, обычных для этого времени, встречаются одиночные и расположенные попарно сооружения (Чугунов 1999: 33). Что касается глубоких могильных ям и устройства погребальных камер могильника Урбюн III, то они обычны для памятников этого типа в Туве. Следует лишь обратить внимание на то, что пахи пола и бревенчатые перекрытия срубов в пяти

из шести урбюньских курганов уложены параллельно (Отчет Д.Г. Савинова, 1965 г., с. 15), что сближает этот памятник с ранними комплексами уюкско-саглынской культуры (Семенов 1992: 64).

Круг аналогий урбюньским находкам в свете открытий последних лет сейчас можно расширить, в том числе за счет тувинских материалов. Серьги с цепочкой найдены на могильниках Аймырлыг (Табл.1, 12, 13) (Мандельштам 1992: табл.77-7, 8), Кош-Пей (Семенов 1994: рис.1, 11) и Догээ-Баары II (Чугунов 1996: рис.3, 6). В этих же памятниках встречены и нашивные зооморфные бляшки из золота (Табл.1, 9, 10). Зеркала с невысоким бортиком и центральной ручкой известны из коллективных захоронений Аймырлыга (Мандельштам 1992: табл.76, 30, 31) и кургана 5 могильника Ортаа-Хем II (Отчет И.У. Самбу, 1967 г.). Наконечники стрел, втки, ножи, фрагменты ножен кинжалов, поясные портупейные обоймы также широко известны в уюкско-саглыньских памятниках Тувы (Табл. 1). Некоторые находки из Урбюна III могут быть сейчас более точно атрибутированы, благодаря многочисленным аналогиям из однокультурных комплексов. По-видимому, неопределимый железный предмет, украшенный золотыми полыми шариками из кургана 3 (Савинов 1980: 112) является корродированными фрагментами головных шпилек с шаровидными навершиями, которые часто обтягивались золотой фольгой. Возможно, что деревянные пластины с вырезанными фигурами животных (курган 2) являются фрагментами сосудов, аналогичных блюду с такими же изображениями из кургана 8 могильника Догээ-Баары II (Чугунов 1999: табл.5, 17). Так это или нет, в общем-то, не столь важно. Гораздо существенней — новые параллели урбюньским находкам из алды-бельских комплексов. Подвески в виде копыта, аналогичные найденной в кургане 6 (Табл.2, 9), сейчас известны из погребения 4 кургана 2 могильника Копто (Табл.2, 5) (Сугунов 1998: abb.4, 2, 6) и из погребения 4 кургана 4 могильника Бош-Даг (Табл.2, 4) (Отчет М.Х. Маннай-оола, 1964, с.11–18). Кроме того, орнамент на костяных накладках на гребни из могилы 2 кургана 1 могильника Сарыг-Булуи (Табл.2, 3) (Семенов, Килуновская 1990: рис.2, 4) и могилы 2 кургана 2 могильника Копто (Табл.2, 6) (Сугунов 1998: abb.3, 7), повторяет декор и урбюньской под-

Тува

Алтай и Верхнее Приобье

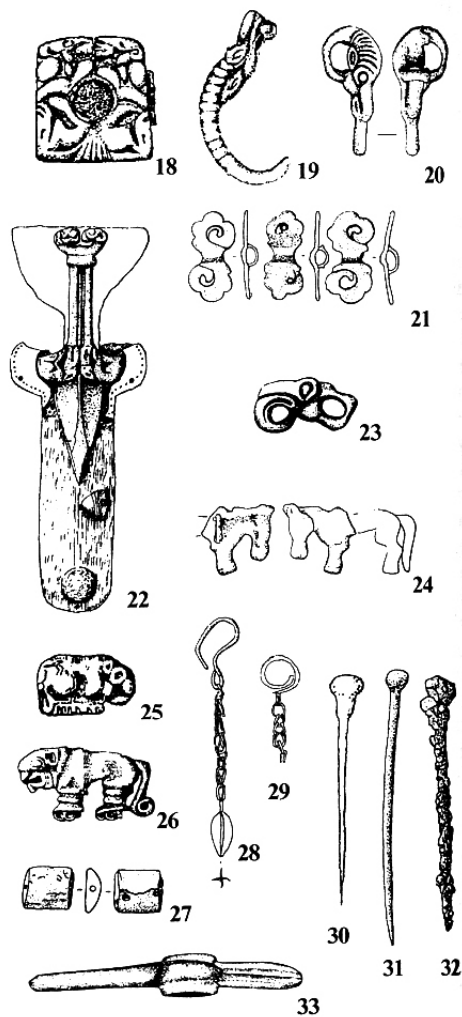

Табл. 1: 1–17 — материалы из памятников уюкско-саглынской культуры (1, 4–7, 11, 14–17: могильник Догээ-Баары II — материалы автора; 2: могильник Кок-Эль — по: Вайнштейн 1966; 9, 10: могильник Кош-Пей — по: Semenov 2000; 3, 8: Уюкская котловина — по: Полторацкая 1966); 18–33 — материалы из памятников Горного Алтая и Верхнего Приобья (18, 19, 33: могильник Кайнду — по: Неверов, Степанова 1990; 20, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 32: могильник Обские Плесы II — по: Ведянин, Кунгуров 1996; 22: могильник Староалейка II — по: Кирюшин, Кунгуров 1996).
Масштаб разный

вески, и застежки из кургана 3 (Табл.2, 8, 9). Архаичность их была отмечена и автором исследований (Савинов 1980: 114–116).

Перечисление аналогий находкам из Урбюна можно продолжить, но, думаю, приведенных выше примеров достаточно, чтобы определить место этого могильника среди тувинских памятников скифского времени. Комплексы могильников Кош-Пей и Догээ-Баары II, которым наиболее близок Урбюн

III, на настоящий момент хорошо датированы как археологическими, так и естественно-научными методами (Семенов 1994: 190; Semenov 2000: 75–79; Zaitseva, Bokovenko, Sementsov, Possnert, Chugunov 1998: 311–314; Чугунов 1999: 44). Хронологический диапазон их — конец VI — начало IV вв до н. э., соответствует датировке могильника Урбюн III (Савинов 1980: 116). Все эти памятники характеризуются сочетанием ранних и поздних черт

как в обряде, так и в материальном комплексе. Основной ареал их распространения охватывает северную и центральную Туву, а также долину р. Ус, где исследован курган 2 могильника Теплая (Воконенко 1994: 48–53).

Таким образом, можно отнести могильник Урбюн III к уюкскому типу памятников, отличающемуся сохранением в культуре традиций раннескифского времени. Традиции предшествующего периода выражаются не только в “переживании” отдельных типов вещей и изобразительных мотивов в искусстве, но и в типологическом развитии форм некоторых предметов. К таковым относятся чеканы с укороченной втулкой — переходный тип от алды-бельских втульчатых к саглыным проушным. Важной особенностью раннескифских чеканов является способ закрепления оружия на рукояти при помощи штифта, вставлявшегося в специальное отверстие во втулке. У коротковтульчатых уюкских чеканов такого отверстия нет. В то же время, единственный проушной чекан из алды-бельского кургана на р.Хут (Отчет М.Х. Маннай-оола за 1968 г.) имеет отверстие для штифта. Преемственность традиций фиксируется и при анализе типологического развития наконечников стрел (Чугунов 2000: 226, 227). То, что некоторые уюкские традиции формируются уже в алды-бельской среде, говорит об активном участии субстратного населения в формировании культуры скифского времени центральных и северных районов Тувы. Об этом же свидетельствуют и алды-бельские параллели в погребальном обряде, выразившиеся в топографии могильников (расположение курганов попарно на могильниках Урбюн III и Догээ-Баары II и перекрывание одного сооружения другим на могильнике Чарга может иметь алды-бельские истоки) и размещении детских могил вокруг центральной. Почти полное отсутствие керамической посуды в могилах уюкского типа также восходит к раннескифской погребальной традиции.

Другой регион, несколько отличный от обозначенного выше — юго-западный район Тувы, который занимали племена, оставившие могильники Саглынской долины (назовем их условно памятниками саглынского типа). На основе исследований этих комплексов была выделена саглынская культура (Грач 1980: 30–36), первоначально определенная А.Д. Грачем как “самостоятельный вариант алтайского пазырыка” (Грач 1971: 98). Последнее замечание не случайно. Памятники юго-западных районов несут сильное влияние пазырыкского Алтая. Оно было обусловлено обширной контактной зоной и, главное, мирным сосуществованием двух культурных образований, выразившемся в устройстве совместных могильников, сохранившихся непотревоженными. Такие комплексы исследованы А.Д. Грачем на могильнике Саглы-Бажи II в юго-западной Туве (Грач 1980: 38) и Д.Г. Савиновым на могильнике Узунтал II на восточном Алтае (Савинов 1974:

221). Вопрос хронологии саглынских комплексов будет затронут ниже, а пока сопоставим материалы двух локальных групп.

Сходство и различие уюкского и саглынского типов памятников уже было кратко обозначено в специальной работе (Чугунов 1995: 141–143). Тем не менее, укажем их еще раз более подробно. Общими являются основные элементы погребального обряда (погребальная поза, ориентировка, наличие глубокой могильной ямы и камеры-сруба в ней), позволяющие рассматривать оба типа в рамках единой культуры. Отличий гораздо больше и касаются они, в основном, комплектности погребального инвентаря. Саглынские срубы обычно содержат в составе сопроводительного инвентаря большое количество керамических сосудов, тогда как в захоронениях северных и центральных районов преобладает деревянная посуда. Находки керамики в могилах здесь единичны. К примеру, почти в двух десятках курганов, исследованных на могильнике Догээ-Баары II, только в двух комплексах встречаются керамические сосуды, причем один из них — курильница с петлями для подвешивания. Такую же картину мы наблюдаем в могильниках Уюкской котловины. Два сосуда из Урбюна III не типичны для саглынских захоронений, что отмечено автором раскопок. Один из них, с боковой ручкой, находит соответствия в материалах Аймырлыга (Мандельштам 1992: табл.79, 31); аналогии второму, с отверстиями под венчиком, мне не известны.

Отличает уюкские памятники от саглынских наличие почти в каждом комплексе специфических головных украшений — железных шпилек с шаровидными навершиями, часто обтянутыми золотой фольгой (Табл.1, 14–16). Ношение таких шпилек, вероятно, можно считать этнографической особенностью населения, оставившего памятники уюкского типа. В саглынских курганах такие предметы зафиксированы всего дважды (Саглы-Бажи VI, к. 2; Даган-Тэли I, к. 1 — Грач 1980: 116, 117). В алды-бельской культуре обычны шпильки из кости. Переходная к уюкскому типу форма найдена в позднем алды-бельском комплексе на могильнике Копто (Сугинов 1998: 282, abb.7, 9) и в коллективной могиле кургана 5 на могильнике Ортаа-Хем II (Отчет И.У.Самбу, 1967 г.). Находки этой категории вещей на сопредельных территориях, вероятно, могут маркировать продвижение носителей уюкских традиций в Туву, о чем будет сказано ниже.

Различаются две группы и по употреблению нашивных украшений из золотой фольги. Если в уюкских памятниках погребальный костюм украшался бляшками в виде кошачьих хищников, птиц, головок оленей или дзеренов (Урбюн III, Догээ-Баары II, Кош-Пей, Куйлуг-Хем I, Чинге II, Туран IV и др.) (Табл. 1, 9, 10), то в саглынских курганах их нет, но встречены округлые “кокарды” с тиснеными изображениями голов хищных птиц (Дужерлиг-Ховузу I, Саглы-Бажи II).

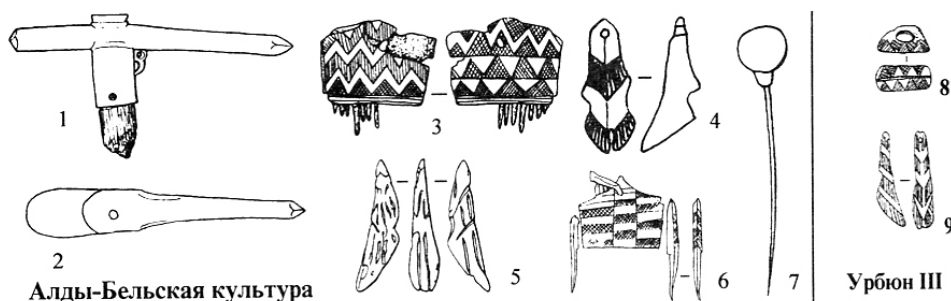

Табл. 2. Материалы из памятников алды-бельской культуры и могильника Урбюн III: 1 — могильник Усть-Хадзыныг I — по: Виноградов 1980; 2 — могильник на р.Хут; 4 — могильник у г.Бош-Даг — по отчетам М.Х.Маннай-оола; 3 — могильник Сарыг-Булуи — по: Семенов, Килуновская 1990; 5-7 — могильник Копто — по: Сугунов 1998; 8-9 — могильник Урбюн III — по: Савинов 1980. Масштаб разный.

Между тем, в Саглынской долине известны памятники, сопоставимые с комплексами центральных и северных районов Тувы. Это, прежде всего, курган, исследованный в урочище Кюзленги (Грач 1980: 114, 115; рис. 29). Этот комплекс не содержит керамической посуды, в числе прочего там найден массивный чекан с короткой втулкой и митровидным втоком, а также зеркало с бортиком и центральной рукоятью в виде кнопки (Грач 1980: рис.32, 2, 3; 36, б). Сам могильник Саглы-Бажи II, вероятно, также не однороден. Топография могильника не противоречит этому предположению (Грач 1980: 110). В некоторых захоронениях совсем нет керамики или имеется всего один сосуд (например, курганы 3 и 4, окруженные общей прямоугольной оградой). В кургане 3 найдена обкладка зооморфной фигурки из золотой фольги (Грач 1980: рис. 39, 1), напоминающая навершия головных уборов в виде козлов из некоторых уюкских памятников (Кош-Пей, Теплая). В этом же комплексе найдено зеркало с центральной ручкой. Попутно отметим, также, распространение в обоих регионах обычая подвешивания пояса с калчаном на стенке сруба над головами погребенных (Чугунов 1996а: 86-89).

Таким образом, утверждение, что основное отличие юго-западных памятников от могильников бассейна Улуг-Хема и Уюка заключается в отсутствии архаичных признаков, не абсолютно. Следовательно, объяснение особенностей двух регионов может лежать не только в локальных, но и в хронологических причинах.

Локальные различия могут быть объяснены иной субстратной подосновой в саглыском микро-районе. В связи с этим, перспективным выглядит предположение о переживании на юго-западе Тувы в скифское время традиций монгун-тайгинской культуры (Семенов 1997: 35).

Но, видимо, основные причины заключаются в хронологии комплексов. Пазырыкское влияние, отмечаемое здесь, могло иметь место только в период утверждения самой пазырыкской культуры на Алтае. Если согласиться с традиционной хронологией

памятников скифского времени Алтая, то начало пазырыкской культуры совпадает с появлением саглынских комплексов и даже несколько опережает их. Однако, если принять альтернативную точку зрения о более молодом возрасте Пазырыка (Source 1991; Чугунов 1993: 167-169), картина будет несколько иной. Дело в том, что в уюкском комплексе не прослеживается какого-либо значительного влияния пазырыкской культуры. Если ранняя уюкская группа памятников попала под воздействие культуры пазырыкского Алтая не ранее IV в. до н. э., то этим объясняется и наличие отдельных ее комплексов в контактном районе, и последующая трансформация всей культуры Тувы. Свидетельством этого являются памятники озен-ала-белигского этапа, в которых ранние алды-бельские reminiscences в обряде и материальной культуре окончательно исчезают.

Между тем, формирование уюкско-саглынской культуры несомненно происходило при постоянных импульсах с запада. На это указывают многочисленные параллели в материальном комплексе. Особенно много их в памятниках Верхнего Приобья VI в. до н. э. Контакты между Тувой и этим регионом начались еще в раннескифское время и, вероятно, способствовали трансформации поздней алды-бельской культуры и образования раннего уюкско-саглынского комплекса. Наиболее ранние аналогии материалам уюкской группы фиксируются в комплексе МГК-1 — раннем могильнике староалейской культуры (Табл. 1, 25, 28, 30, 31), где, наряду с грунтовыми, практиковались и подкурганые захоронения, отличающиеся большой глубиной (до 3-х м.), наличием деревянных конструкций и крупными размерами ям (Кунгуров 1999: 92, рис. 1-3). В памятниках староалейской культуры найдены такие же шпильки, специфические формы нашивных бус, предметы поясной гарнитуры, бляшки в зверином стиле (Табл. 1, 20-24, 26, 27, 29, 32 — Ведянин, Кунгуров 1996: 88-114; Кирюшин, Кунгуров 1996: 115-134; Фролов 1999: 217, рис. 1). Большой процент бронзовых черешковых наконеч-

ников стрел в памятниках этого региона (Чугунов 2000а: 165, 166) также указывает на культурные контакты в это время. В памятниках быстринской культуры зафиксированы керамические сосуды, по форме и орнаментации аналогичные тувинским экземплярам (Абдулганеев, Кунгуров 1996: рис.6, 4, 5). На территории Горного Алтая также известны комплексы, датированные VI в. до н. э., которые с одной стороны не могут быть отнесены к пазырыкским по обряду, а с другой — имеют в своем составе аналогии ранним уюкским материалам. Это, например, погребения первой цепочки курганов могильника Кайнду на Средней Катунь, где найден набор сопроводительного инвентаря, не характерный для пазырыка и типичный для Тувы (Табл. 1, 18, 19, 33 — Неверов, Степанова 1990: 243–255). В связи с этим нужно заметить, что типология погребального обряда пазырыкской культуры, как ни парадоксально, до сих пор плохо разработана (Соенов 1999: 170). Возможно, изменение нижней даты классических пазырыкских памятников в сторону омоложения позволит выявить целый пласт памятников VI–V вв. до н. э., через которых проходила в это время трансляция инноваций в Туву. Во всяком случае, отмеченные выше пункты демонстрируют продвижение носителей определенных традиций, связанных, вероятно, с территорией расселения сакских племен. В конце VI в. до н. э. этот путь, основные пункты которого Центральный и Восточный Казахстан — Верхнее Приобье — Горный Алтай — Тува, по сути не был нов и повторял движение пле-

мен в конце VII — начале VI вв. до н. э., маркированное находками У-видных псабиев (Бородаев 1998: 73). В более поздних памятниках по этому же маршруту найдено значительное количество шпилек с шаровидными навершиями (Кирюшин, Степанова 1999: 387). По Горному Алтаю, вероятно, трансляция инноваций проходила по Средней Катунь, где классические пазырыкские могильники появляются лишь в конце скифского времени (Кочеев 1996: 137).

В рамках настоящей статьи вопрос формирования культурного комплекса уюкско-саглынской культуры может быть только намечен и его подробное рассмотрение — задача специального исследования. Отметим, что при публикации материалов могильника Урбюн III он был также поставлен Д.Г. Савиновым (1980: 118), уже тогда определившим западные истоки некоторых культурных компонентов этого памятника.

Итак, отличия двух групп памятников в Туве демонстрируют не только (или не столько) локальные особенности в рамках единой культуры, но также, возможно, хронологические причины этих отличий. Такой вариант названия — уюкско-саглынская культура — предложенный Вл.А. Семеновым (1992), приобретает новое звучание, объединяя уюкский и саглынский тип памятников и, в то же время, подчеркивая их локально-хронологическое своеобразие.

Работа выполнена при поддержке гранта INTAS. Проект № 97–20362

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. 1996. Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул. С. 143–155.

Бородаев В.Б. 1998. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул. С. 56–73.

Вайнштейн С.И. 1966. Памятники казылганской культуры // Труды ТКЭАН. Т. II. М.–Л.

Виноградов А.В. 1980. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. 1996. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул. С. 88–114.

Грач А.Д. 1971. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл. С. 93–106.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции посвященной 70-летию А.Д. Грача. Отв. ред. Д.Г.Савинов. СПб, 1998. 304 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. 1996. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул. С. 115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. 1999. Заколки из захоронений скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том V. Новосибирск. С. 386–390.

Кочеев В.А. 1996. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. С. 134–137.

Кунгуров А.Л. 1999. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. С. 92–98.

Мандельштам А.М. 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 178–196.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. 1990. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск. С. 242–270.

Полторацкая В.Н. 1966. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // АСГЭ. Вып. 8. М.–Л.

- Савинов Д.Г. 1974. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // АО 1973 М. С. 220–221.
- Савинов Д.Г. 1980. Могильник Урбюн III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово. С. 107–119
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е. 1990. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М. С. 36–47.
- Семенов Вл.А. 1992. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Часть 2. Омск. С. 63–65.
- Семенов Вл.А. 1994. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей 1 в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. С. 184–192.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Чугунов К.В. 1995. Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. СПб. С. 23–30.
- Семенов Вл.А. 1997. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.
- Соенов В.И. 1999. К вопросу о типологии погребальных памятников скифского времени Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. С. 170–171.
- Фролов Я.В. 1999. Некоторые проблемы изучения памятников, датируемых VI–V вв. до н. э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул. С. 211–219.
- Чугунов К.В. 1993. Датировка Больших Пазырыкских курганов - новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. С. 167–169.
- Чугунов К.В. 1995. Общее и особенное в памятниках культуры ранних кочевников Тувы // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Часть 2. Омск. С. 141–143.
- Чугунов К.В. 1996. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. С. 69–80.
- Чугунов К.В. 1996а. Археологические параллели одному изобразительному мотиву в искусстве ранних кочевников Евразии // Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Часть 2. Тезисы конференции. Улан-Удэ. С. 86–89.
- Чугунов К.В. 1999. Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II // Круг знания. Научно-информационный сборник. Вып. 2. Кызыл. С. 33–46.
- Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. 1999. Исследование кургана на дороге Аржан – Тарлаг в Туве // АО 1997. М. С. 331–333.
- Чугунов К.В. 2000. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. СПб. С. 213–238.
- Чугунов К.В. 2000а. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Выпуск XI. Барнаул. С. 165–168.
- Bokovenko N.A. 1994. Tomb of saka princes discovered in the Sayans, Siberia. // *New archaeological discoveries in asiatic Russia and Central Asia*. St.Petersburg. P. 48–53.
- Cugunov K.V. 1998. *Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva // Eurasia Antiqua*, Band 4, Mainz am Rhein \ Berlin. S. 273–308.
- Semenov V.A. 2000. The chronology of the burial-mounds belonging to the Kosh-Pei group in Tuva. *Radiocarbon and Archaeology*. V. 1. P.75–79.
- Source 1991. Notes in the History of Art. Vol. X, № 4. Summer.
- Zaitseva G.I., Bokovenko N.A., Sementsov A.A., Possnert G., Chugunov K.V. 1998. Some Questions on the Radiocarbon Chronology of the Scythian Taim Monuments in the Central Asian Steppe Zone of Russia (Southern Siberia and Tuva Republic) // *Actes du colloque "14C Archéologie"*. Lyon. P. 311–314.

Архивные материалы.

- Отчет М.Х.Маннай-оола за 1964 г. Архив ИА, Р-1, 2940.
- Отчет М.Х.Маннай-оола за 1968 г. Архив ИА, Р-1, 3672.
- Отчет Д.Г.Савинова за 1965 г. Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, № 37.
- Отчет И.У.Самбу за 1967 г. Архив ИА, Р-1, 3927.